

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О "ЗЕРКАЛЬНОСТИ" КОМПОЗИЦИИ РОМАНА В СТИХАХ А.С. ПУШКИНА (СНЫ ТАТЬЯНЫ И ОНЕГИНА)

А.Г. МАТЮШЕНКО, Ф.И. ПАНКОВ

*Кафедра русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ГСП-2, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов,
119992, Москва, Россия

"Зеркальная" композиция романа в стихах "Евгений Онегин" стала оригинальным достижением А.С. Пушкина. Важную роль в ней играют сны главных героев - Татьяны и Онегина. Если сон Татьяны является пророческим, то "упущенный" в литературоведческих исследованиях эпизод сна Онегина носит ретроспективный характер.

Хотя, как известно, первоначальный замысел А.С. Пушкина о трехчастной композиции "Евгения Онегина" не был реализован в окончательном варианте текста романа, в то же время воплощенная автором "зеркальная" композиция стала поистине оригинальным его достижением. На наш взгляд, существенную роль в этом играют сны главных героев - Татьяны и Онегина. Однако при всей кажущейся изученности художественной структуры произведения в целом (см., например, [1 - 6, 11 - 14] и мн. др.), эпизод сна Онегина является совершенно "упущенным" в литературоведческих исследованиях. Между тем этот эпизод играет важнейшую художественную роль, помогая выразить авторскую позицию, раскрыть идейную проблематику гениального произведения, а также завершить "зеркальность" и "симметричность" его композиции.

То, что в дальнейшем изложении мы будем определять как сон Онегина, составляет содержание XXXVI и XXXVII строф восьмой главы романа.

XXXVI

И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанья, печали
Теснились в душу глубоко.
Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья

Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой.

XXXVII

И постепенно в усыпление
И чувств и дум впадает он,
А перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон.
То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом - и у окна
Сидит она... и все она!

Исследователи отмечают различные типы снов героев литературных произведений. Называют, в частности, такие их разновидности, как сон-воспоминание ("Сон Обломова" из романа И.А. Гончарова), сон-забвение ("Выхожу один я на дорогу...", "Сон" М.Ю. Лермонтова), сон-кошмар (повторное убийство Раскольниковым старухи-процентщицы и другие видения, грезы главного героя "Преступления и наказания" Ф.М. Достоевского). Примеры можно продолжить.

Ясно, что сон Татьяны (пятая глава "Евгения Онегина") и сон Онегина имеют различную природу, относятся к разным типам снов. Сон Татьяны представлен в романе как собственно сновидение. Сон Онегина - это, скорее, сон-воспоминание, когда в воображении героя предстают картины прошлого. Тем не менее, представляется возможным сопоставление этих двух снов с целью прояснения их идейно-композиционной роли в пушкинском романе.

Сон Татьяны всесторонне изучен исследователями. Рассматривалось его сюжетное построение, присутствующие в нем сказочные персонажи, давались различные трактовки его содержания (см., в частности, работы М.Ю. Лотмана, В. С. Краснокутского и мн. др. исследователей).

Приведем два, пожалуй, наиболее устоявшихся мнения об этом сне.

Во-первых, фольклорные образы и мотивы сна Татьяны подчеркивают национальные основы характера героини.

Во-вторых, очевиден пророческий смысл сна: в нем предсказывается центральный трагический эпизод романа - убийство Онегиным Ленского.

Теперь обратимся к сну Онегина.

В отличие от пророческого сна Татьяны очевиден ретроспективный характер сна Онегина. Убийство Ленского заново переживается героем, оставаясь незаживающей раной в его сердце. Не случайно к трагическому событию

Пушкин обращается еще два раза, рассказывая об Онегине в восьмой главе. Вспомним эти обращения.

Пушкин возобновляет рассказ о главном герое романа в XII и XIII строфах:

XII

Онегин (вновь займуся им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

XIII

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день,
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как все на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

Уже из приведенных строк становится очевидным, что воспоминание об убийстве Ленского ("окровавленная тень") мучит душу главного героя, побуждая его к бесцельным странствиям в надежде уйти от самого себя, от собственной совести.

Приведем далее слова из письма Онегина Татьяне:

Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал...

Наконец, сон ("усыпление") Онегина содержит третье обращение к эпизоду убийства.

Видимо, кульминационное событие шестой главы и всего произведения Пушкина - трагическая гибель Ленского - акцентируется, таким образом, и в последней, восьмой главе, становясь, наряду со вспыхнувшей страстью к Татьяне, важнейшей составляющей внутренней жизни главного героя.

Онегин - человек с больной совестью. Причины этой болезни неоднократно комментировались исследователями. Светское воспитание во французских традициях, оторванное от национальных корней и, в первую очередь, от духовных ценностей православия, эгоистические жизненные принципы, а также легкомысленная светская жизнь в юные годы, знание в совершенстве "науки страсти нежной" опустошили душу героя, и он оказался не способен ответить

взаимностью на чистое, искреннее чувство Татьяны. Испытывая дружеское расположение к Ленскому, Онегин не смог удержаться от злого раздражения в адрес приятеля, и месть ему (настойчивое ухаживание за Ольгой) стала причиной дуэли. Ценя превыше всего собственную свободу (которую впоследствии, в письме к Татьяне, герой с горечью назовет "постылой"), Онегин оказался не свободен от общественного мнения, стал рабом светских представлений о чести, не нашел в себе сил отказаться от поединка и помириться с другом. Хочется согласиться с Ю.М. Лотманом, что у Онегина не было цели убить Ленского [8, с. 303], и тем не менее предпосылки этого (пускай даже отчасти непреднамеренного) убийства напрямую вытекают из того состояния души героя, к которому он пришел в результате своего воспитания, образования, собственной жизненной философии, в основе которой лежит крайний индивидуализм ("Мы все глядим в Наполеоны..."). Он и стал причиной убийства и, как следствие, того духовного тупика, в котором оказался герой в конце романа.

В чувстве Онегина к Татьяне едва ли верно усматривать какую-то живительную силу, очищающую душу героя. Скорее, это "страсти мертвой след", по образному определению поэта. Страсть эта никак не могла исцелить душу Онегина, она лишь усилила его душевные муки, вызванные убийством друга. Отсюда соседство в сне героя образа Татьяны и призрака убитого юноши, лежащего на снегу.

Сон Онегина со всей очевидностью усиливает эффект "зеркальности" композиции романа. Традиционно представление об этой "зеркальности" связывалось с моментами зарождения любви Татьяны к Онегину в третьей главе и страсти Онегина к Татьяне в восьмой главе, с двумя письмами героев, с двумя отповедями - Онегина в начале четвертой главы и Татьяны в конце восьмой. В двух снах героев также очевидна "зеркальность". Сон Онегина ретроспективно воссоздает то же трагическое событие (убийство Ленского), которое было предсказано в пророческом сне Татьяны.

Кроме того, сон Онегина содержит в себе образы, непосредственно отсылающие читателя к душевному состоянию Татьяны в срединных главах романа ("тайные преданья сердечной, темной старины", "предсказанья", "сказки вздор живой", "письма девы молодой").

В образах, присутствующих в снах героев, наблюдаются и явные различия. Сказочным образам из сна Татьяны, имеющим в основе своей фольклорные корни и подчеркивающим живую связь Татьяны со стихией народной жизни, можно противопоставить метафорический образ фараона из сна Онегина ("перед ним воображенье свой пестрый мечет фараон"). Как известно, фараон - название азартной карточной игры, символизирующей в творчестве Пушкина власть демонических сил над человеческой душой (вспомним "Пиковую даму"). Душа Онегина оказалась целиком во власти этих сил, и зловещий образ фараона придает сну героя мрачный колорит. Мир зла, господствующий в сне Онегина, включает в себя и "врагов забвенных", и "клеветников", и "трусов злых", и "рой изменниц молодых", и "круг товарищей презренных". Эти лица из прошлого Онегина, как и образ фараона, становятся символом недолжного бытия, которое привело героя к душевной смерти.

Итак, мы видим, что сон Онегина в восьмой главе пушкинского романа, выполняя существенную композиционную роль, проясняет духовное содержание и трагический смысл всего произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. - М.: Советский писатель, 1955. - С. 178-198.
2. Благой Д.Д. "Евгений Онегин" // Русская классическая литература. Разборы и анализы. Сост. Д.Л. Устюжанин. - М.: Просвещение, 1969. - С. 60-87.
3. Благой Д.Д. Душа в заветной лире. - М.: Советский писатель, 1979.
4. Бонди С.М. О романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Предисловие // "Евгений Онегин". Роман в стихах. - М., 1973.
5. Бродский Н.Л. "Евгений Онегин". Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя. - М., 1964.
6. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. - М., 1957.
7. Лотман Ю.М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Учен. зап. Тартуского университета. 1975. Вып. 365. Труды по знаковым системам, VII.
8. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий: Пособие для учителя. - Л.: Просвещение, 1983.
9. Лотман Ю.М. Учебник по русской литературе для средней школы. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 111-112.
10. Макагоненко Г.П. Роман Пушкина "Евгений Онегин". - М., 1963.
11. Непомнящий В. Начало большого стихотворения // Вопросы литературы. - 1982. - № 6. - С. 148.
12. Томашевский Б.В. [Комментарии] // Пушкин А.С. Полное собр. соч. в десяти томах. 2-е изд. - М., 1958.
13. Турбин В.Н. Поэтика романа А.С. Пушкина "Евгений Онегин". - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
14. Тынянов Ю.Н. О композиции "Евгения Онегина" // Тынянов Ю.Н. Поэтика, история литературы, кино. - М., 1977.
15. А. С. Пушкин в зеркале двух столетий. Мультимедиа энциклопедия. - М., 1999.

The composition of the novel in verse "Eugene Onegin" and the role Tatyana's and Onegin's dreams play in it

A.G. MATYUSHENKO, F.I. PANKOV

MSU, Uchebnyy Korpus 2, Leninskiye Gory, 119992

The article focuses on the composition of the novel in verse "Eugene Onegin" and the role Tatyana's and Onegin's dreams play in it. While Tatyana's dream is meant to foretell the future, Onegin's dream, which receives in the article special attention, is retrospective